

ОУИ НБ МГУ №1970

О том, как уходил от слежки КГБ, первом опыте тюремной голодовки и ощущениях человека, впервые оказавшегося в карцере

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1970>

6 апреля 2016

Собеседник

Григорьянц Сергей Иванович

Ведущие

Споров Дмитрий Борисович, Петров Сергей Геннадьевич

Дата записи

Беседа записана 6 апреля 2016 и опубликована 3 августа 2016.

Введение

Начав записывать воспоминания правозащитника и коллекционера Сергея Григорьянца о его удивительной коллекции и искусствоведческой деятельности, мы поняли, что большой разговор о годах, проведенных им в тюрьме неизбежен. Это первая беседа тюремного цикла, в которой Сергей Григорьянц говорит о времени, непосредственно предшествовавшем аресту, — об исключении с журфака МГУ по требованию КГБ, о слежке и способах ухода от нее, о том, как его заставили обманом прийти в отделение госбезопасности, и о первом тюремном опыте. Правозащитник вспоминает о пережитом с некоторой отстраненностью, словно пытаясь понять, в чем глубинный смысл всех этих голодовок, карцеров и прочих лишений. Но его сдержанность лишь делает этот рассказ более ярким и дает возможность вполне ощутить атмосферу советских тюрем 1970-х — 1980-х годов.

Дмитрий Борисович Споров: Сергей Иванович, если сегодня удастся хотя бы начать или в какой-то степени осветить тему вашего тюремного опыта, который для нас для всех очень важен и в контексте вашей удивительной биографии, и в контексте нашей общей истории. Поэтому скажите... Пожалуй, наверное, ваш арест и что началось дальше?

Сергей Иванович Григорьянц: Ну, в общих чертах, именно поэтому я попросил прочесть тексты о Николае Ивановиче Харджиеве — я там более-менее это рассказываю*. Вкратце я могу это повторить...

* Григорьянц С.И. Трагедия Николая Харджиева. <http://grigoryants.ru/podvodya-itogi/xardzhiev>

Д.С.: Пожалуй, для зрителя это было бы хорошо...

С.Г.: Да. На самом деле никто не собирался меня арестовывать. И причин для этого, в общем, у них не было, кроме одной, для них основополагающей. Если человек имеет родственников за границей, переписывается с заграницей, получает оттуда книги, получает даже газету из Парижа, если... ну, в общем, ведет себя совершенно непристойным образом, пишет об эмигрантской литературе, хоть немножко, но все-таки. В «Литературной энциклопедии», еще где-то, где это удавалось, то он должен с ними сотрудничать. Не говоря уже о том, что я действительно был знаком с массой людей, которые их чрезвычайно интересовали...

Д.С.: Ну, это понятно.

С.Г.: Во-первых. А во-вторых, — я не помню, насколько я подробно это рассказываю, — но меня довольно скандально и не без труда выгнали из университета с факультета журналистики. Причем пришлось прямо сказать, что это требование КГБ. Где-то у меня это написано, если хотите, я мельком могу это пересказать...

Сергей Геннадьевич Петров: Скажите, а как вы поняли, что от вас требуется сотрудничество? Вам это говорили прямым текстом, вас вызывали...

С.Г.: Да, конечно...

С.П.: Вас...

Д.С.: Уже после ареста.

С.П.: Или до ареста?

С.Г.: Нет, во-первых, до ареста. Как бы случайно один из аспирантов факультета журналистики по фамилии Демуров такой, Саша, как бы случайно снял квартиру именно в том доме, где я жил, на Ярославском шоссе. Ну, не могу сказать, что у него получилось особенно тесное со мной знакомство — так, по факультету мы мельком были знакомы. Он довольно быстро начал мне объяснять, как много армян работает в КГБ. (А он при своей фамилии был армянин из Тбилиси.) На что я пожал плечами, говорю: «Ну, по-моему, для КГБ вообще нужны люди с какой-нибудь нейтральной внешностью, не такие привлекающие это самое...» На что он посмотрел на меня и сказал: «Ну, разве я [не] привлекаю внимание?» И он действительно был рыжий. После этого он мне объяснил, что его дядя начальник одного из районных управлений КГБ в Москве, еще что-то такое... ну, в общем, несколько раз пробовал со мной завести вот такие вот разговоры.

Д.С.: Да, это вы как раз описываете.

С.Г.: Да. Плюс к этому за мной уже началась чудовищная слежка, плюс к этому ко мне уже не проходили никакие письма, ну, в общем, в общем, в общем...

Д.С.: Ну, они проходили перлюстрированными или вообще не проходили?

С.Г.: Вообще не писали. Одно время, там, полгода или месяцев девять вообще не доходило ни одного письма. Вот. Ну в общем, в общем... Ну, ситуация была более-менее очевидна. Надоело мне это до омерзения, жена была беременна, я просто снял квартиру в противоположном конце Москвы. У меня

был совершенно незаметный такой серенький «жигуленок», которых был миллион. И... ну и, в общем, я для них исчез. Найти они меня не смогли.

Как исчезнуть из поля зрения КГБ

Д.С.: А как так? Вот это, кстати, вопрос, который возник сразу, когда я читал ваш текст о Харджиеве. Как, что значит «исчез»? Как можно исчезнуть?

С.Г.: Ну, вот так.

Д.С.: Ну, это, все-таки...

С.Г.: Ну, давайте я расскажу подробно.

С.П.: На работу же вы ходили.

Д.С.: Да, вы же были...

С.Г.: Еще работы у меня не было, я...

С.П.: Ну вот, в «Энциклопедии» — или это уже к тому моменту...

С.Г.: Нет, это же... Ну, в «Энциклопедии» я же не служил, в «Энциклопедии» я же печатался.

Д.С.: Ну, вы приходили к ним, отдавали тексты?

С.Г.: Ну, изредка приходил, там, я не знаю.

Д.С.: Значит, вы не могли полностью исчезнуть?

С.Г.: Нет... ну, я не знаю, чего вы там прочли и чего не прочли, периодически, конечно, меня ловили. Скажем, у моих друзей Поповых, у которых я часто бывал. Вдруг в этих Спиридоньевских переулках я видел какого-то мальчишку, который за мной ходил. В это время, понимаете, в Москве уже были установлены видеокамеры. На всех крупных улицах. В центре их был в этом «доме на ножках» на Садовой, вот, в глубине которого Институт Сербского... Там их наблюдательный пункт даже показан в одном из фильмов о каких-то иностранных шпионах.

Конечно, это было не для таких... в основном, не для таких людей, как я, в основном, действительно, для иностранцев. Плюс к этому, камеры были установлены в метро. Причем опять-таки сначала на кольцевых станциях. Но поскольку я у них был в списке и понимал это.

И рядом с этими часами была и камера. И я не без интереса следил за тем, как я вот так вот иду по перрону, и камера движется.

С.П.: Ничего себе! Это 75-й год!

Д.С.: Это где? Подождите...

С.Г.: Это 75-й год.

Д.С.: А где это вы наблюдали?

С.П.: В метро.

С.Г.: В метро.

Д.С.: Это у каких часов?

С.Г.: Что?

Д.С.: Это какие часы вы имеете в виду?

С.Г.: Ну, там же, вот, в конце, на станции есть вот эти вот электронные часы. И... тогда там были установлены вот такие вот длинные трубы с камерами. И они двигались. В зависимости от того... ну вот следили за теми, за кем надо следить. И, соответственно, то же самое было и с улицами, где... такие камеры были установлены на центральных улицах. Но не в переулках. А Поповы жили на Спиридоньевке. И это вот эти вот переулки, и там не было [камер]. И довольно быстро я понял, что как только я выхожу с Садовой или... ну, в общем, с какой-то из крупных улиц в переулок, у меня за спиной появляется какой-нибудь хмырь. Который еще к тому же делает вид, что это все случайно. Там какой-то мальчишка был, у которого была такая двусторонняя курточка, и он периодически менял ее. Она с одной стороны была зеленая, а с той стороны красная. Так, чтобы я думал, что вот это вот...

В общем, тем не менее, это была вполне очевидная слежка. По-видимому, я не был самым главным человеком, который им был нужен, начнем с этого. На самом деле что им от меня нужно было, я до сих пор не понимаю. Это чистейшие мои такие подозрения и догадки. Ну, тем более что у меня реальные были родственники в Париже, а не это самое... И я действительно был в хороших отношениях, переписывался с Берберовой, переписывался с Кодрянской, там, ну, в общем...

С.П.: То есть, в то время у вас не было ощущения, что это что-то из ряда вон выходящее? Вы как бы этого ожидали.

С.Г.: Нет, конечно, я... что именно? Вы о чем?

С.П.: Ну, что начнется слежка. Когда вы впервые поняли, что за вами следят?

Арест

С.Г.: Нет. Понимаете, если говорить серьезно, то, конечно, я, в общем, примерно понимал, ну, скажем так, экстравагантность своего поведения всегда. Но у меня действительно нет ощущения опасности. У меня действительно сильно снижен уровень... ну, в общем, это не могло заставить меня отказаться еще, к тому же, писать довольно прямолинейные письма. И переписываться, и книжки получать, и газету получать, и встречаться с кем-то и так далее.

Д.С.: А финансовый аспект мог быть? Чтобы просто украсть коллекцию?

С.Г.: Ну вот моя мама думала так. Но, во-первых, этого не произошло. Если бы такая задача была, то она была бы быстренько реализована. У этих самых судебных исполнителей такая задача была. Личная. Это мне... вот это тебе... Понятно, что, распродав нашу большую библиотеку, причем с большим количеством редких книг, там, со всякими автографами и так далее, ну, во-первых, это было противозаконно. Потому что по Уголовному кодексу нельзя конфисковывать того, что является средствами существования.

С.П.: А это было?

С.Г.: Ну, и для меня, и для моей жены библиотека — это орудие профессиональных занятий. И поэтому... надо сказать, что там еще был судья в Бабушкинском районе, который всячески хотел мне помочь. Я никогда его не видел, я только слышал о нем. Мне, как ни странно, потом следователь, проникшись какой-то симпатией, советовал попросить, чтобы дело было передано из городского суда в Бабушкинский район по месту жительства, сказав, что там есть судья, Герой Советского Союза, от которого можно ждать какого-то более мягкого приговора. Но адвокат мой был против этого. У меня никаких оснований доверять следователю тоже не было, я такой просьбы не написал. Но на практике в этом убедился. Точнее, для начала убедилась моя жена. Поскольку уж изъятие библиотеки было совершенно противозаконным, то она... там, я не помню, то ли по совету Каллистратовой, то ли еще кого-то она написала жалобу. Они там,

по-моему, еще и холодильник увезли, при том, что, значит, сыну моему был год, и жена была беременной.

С.П.: То есть это было решение суда, да? Конфискация имущества это называлось, или как?

С.Г.: Нет, нет...

С.П.: Почему, на каком основании это вообще все...

С.Г.: Это еще не было никакой конфискацией. Это был... как вам сказать... ну, это...

С.П.: Или это как при обыске изъятие...

С.Г.: Да. Это было изъятие в результате обыска для дальнейшей работы. Еще никаких решений суда не было. Но жена тут же написала заявление в Бабушкинский суд. И как раз этот судья тут же вынес решение о том, что это незаконно. Но они за три дня уже всю библиотеку...

Д.С.: Ну, или сказали, что распродали?

С.Г.: Ну, да. Нет, ну, это было время, когда они все очень много зарабатывали на краденых вещах. Все люди, имевшие отношение к КГБ, ну и к МВД, в общем, тоже, все эти судебные исполнители... Из существенных вещей, которые у нас пропали (и об этом я не без злобы пишу) пропали почти все... вся часть коллекции старых мастеров. Когда зашла речь о возврате, что куда попало, — удалось выяснить по документам: это было передано в тот музей, это в тот музей, это в тот музей, это в тот музей... Замечательно поступил только ответственный научный секретарь Института востоковедения, к которому попали мои «японцы» и дивной красоты и большой ценности резной русский крест века XVI-го с мощами святых... Японские гравюры и и этот крест передали в Институт востоковедения. Когда судья написал (уже это было в 2000-м году, что ли) иски в разные места, куда попали наши вещи, скажем, из ГОХРАНа, куда попали резные геммы, камеи ответ пришел: «Это все смешано с запасами ГОХРАНа и не может быть выделено». А к этому времени этот уже бывший научный секретарь Института востоковедения честно ответил, что, «нуждаясь в средствах, я крест продал академику Осипову».

С.П.: Ну, по крайней мере, честно.

С.Г.: Ну, да. Ну, я не стал подавать на него в суд. Ни на него, ни на Осипова. Ну, в общем, Бог с ним. Но в то же время исчезли бесследно практически все картины западных мастеров.

С.П.: То есть, был какой-то ценитель, видимо, который...

С.Г.: Я думаю... по разным обстоятельствам... я думаю, что это было связано с тем, что описывала вещи старых мастеров и нынешняя сотрудница Музея изобразительных искусств Маркова. И я подозреваю, что эта пропаша произошла не без ее помощи. Ну, во-первых, было известно, что она торгует живописью. А во-вторых, потом, вот, когда решался вопрос о выплате мне компенсации — это было уже решение Министерства культуры... Причем, была специальная коллегия Министерства культуры. Я написал список пропавших вещей: библиотеку, мебель, там, то-се, пятое-десятое, ну, много пропало, на самом деле. И, в том числе, и картины европейские. Причем там были хорошие вещи, которые, теоретически, должны были попасть в Музей изобразительных искусств. Но не попали. Так вот, Маркова на этом заседании Министерства культуры изо всех сил добивалась, что, уж если есть судебное решение о выплате мне компенсации за пропавшие вещи, то эта компенсация должна была соответствовать тем оценкам (в 2000-м году), которые были даны в 75-м, понимаете?

Д.С.: По тысяче рублей?

С.Г.: Ну, примерно так.

Д.С.: Понятно.

С.Г.: Ничего у нее не вышло. Больше того, целый ряд... ну, на моей стороне была, честно говоря, замминистра, кроме всего остального. Кроме большого количества других людей. Просто были люди,

которые перестали с ней здороваться, будучи знакомыми много лет. То есть, там было какое-то ощущение личной заинтересованности. Потому что, ну, что это за бред такой, ну, сами понимаете, ну... Нет, там была не тысяча рублей, там, скажем, хорошие голландские натюрморты XVII века были оценены по двести рублей. В общем, все это происходило по-разному. И я не думаю, возвращаясь к вашему вопросу, что у них был интерес к коллекции. Кроме того, там было одно такое основополагающее это самое. Коллекциями вообще занимались... и интересовались, если уже это доходило до КГБ, что само по себе было очень редко, в основном, этим занималось МВД. Вот. Ну, как правило, вот, и в КГБ там, скажем, ну, управления, которые занимались, ну, не знаю, ну, какими-то внутренними, там, я не знаю, вот, там, спекулянтами крупными и так далее. А мной-то занималось пятое управление, которое... Понимаете, на самом деле, то, с чем я начал о предъявленном мне обвинении. Оно же было таким смехотворным, в общем. В первую очередь потому, что это их совершенно не интересовало. Это вообще была не их цель. На самом деле, да, действительно, я мало продавал, но, в общем, как всякий коллекционер, изредка что-то продавал, изредка что-то покупал. Другое дело, что я нигде не был ни в каком списке людей, для которых это источник существования, или которые постоянно этим занимаются. Но, тем не менее, зная моих знакомых — а они уже начали следить, и за коллекционерами — в общем, если бы им очень хотелось, они бы могли найти что-нибудь. Ну, их просто это совершенно не интересовало. Им не приходило в голову... Понимаете, если называть вещи своими именами: люди, которые тогда занимались примерно тем, чем я, то есть, что-то писали об эмигрантской литературе, что-то... с кем-то хоть немножко переписывались, и так далее, и так далее, как выяснилось, в том числе, и на моем суде, от помощи КГБ не отказывались. И... ну, во-первых, сначала они были совершенно искренне убеждены в том, что я, как и все остальные, конечно, тут же соглашусь [на сотрудничество]. Но потом, когда оказалось, что как-то со мной начинается всякая эта возня и еще что-то такое, когда они меня арестовали, они просто, опять-таки, из тех же соображений примерно, они просто хотели меня пугнуть. Что если уж будет выбор между тюрьмой и сотрудничеством с ГБ, так вот тут-то уж...

С.П.: Человек выберет.

С.Г.: Да. И так было... Я знаю, было большое количество людей, я знаю, которые именно так выбрали.

Д.С.: А куда вас...

С.Г.: Просидели по полгода, там...

Д.С.: А куда вас поместили после ареста сразу, скажите?

С.Г.: Ой... Ну... ну, арест происходил таким образом. Они меня действительно потеряли. Они меня действительно потеряли. Когда меня изредка где-то там обнаруживали, я в общем довольно успешно уходил от слежки. Ну, я рассказываю, например, как за мной с Евтушенко пошли люди на проводах Некрасова. Ну, люди пошли за мной. Но опять-таки, я уже к этому времени точно знал, что эти камеры только на центральных станциях, а на Киевской было три [перрона]... В общем спокойно я от них ушел. И уходил еще несколько раз. И, в общем, поймать они действительно меня так и не смогли. Начали следить за моей женой. Она была беременна, ей надо было гулять, да еще у нас был бульдог, которого тоже надо было выгуливать. И каждый день она гуляла. Гуляла и звонила мне по телефону. Потому что в той квартире, которую я снял, на улице Дыбенко, телефон был. Но не поставишь же на прослушку в целом квартале сто телефонов-автоматов. А она звонила из разных телефонов-автоматов. То шла в одну сторону, то шла в другую сторону... Тогда у нее за спиной начали появляться хмыри, которые пытались подсмотреть, какой номер она набирает.

С.П.: Технология высокая!

С.Г.: Что?

С.П.: Высокая технология!

С.Г.: Ну, телефоны-автоматы... ну, телефоны-автоматы... ну, как? Все же не подключишь...

С.П.: Ну, да.

Д.С.: Некоторые считают, что даже телефоны-автоматы все были на прослушке.

С.Г.: Да, иногда так говорили. Это все вполне раскручено КГБ до мании преследования. И не надо недооценивать, и не надо переоценивать, это...

Д.С.: Ну, хорошо. Извините.

С.Г.: Подключить можно было любой. Это другое дело. Но нельзя же слушать сто телефонов, да еще и... сколько же «слухачей» нужно. Если бы они заранее знали, к какому телефону пойдет Тома, и если бы она ходила... звонила постоянно с одного и того же телефона-автомата, то, конечно, так бы и было. Но она звонила с разных.

С.П.: А вы в этот момент где находились?

С.Г.: Я жил в Москве...

С.П.: Нет, я имею в виду, она звонила куда?

С.Г.: Ко мне домой.

С.П.: А, то есть, вы просто были у себя дома, а она...

С.Г.: Она мне звонила. Я представлял себе, когда она ходит гулять. Ну, в общем, так или иначе, через какое-то время — длилось это полгода или месяцев семь — в конце концов, они поймали Тому на улице, и сказали: «Ну, вот, вы знаете, Тамара Всеволодовна, мы поняли, что... все это ни к чему не приводит, и вообще, совершенно нам ваш муж не нужен, и надо это все прекращать...» А мы еще с Томой к тому же знали, что у них, действительно, есть сроки. Понимаете? Вот, слежка — она устанавливается... ну, это, господи, ну, это же бюрократическая организация — КГБ. Там есть отчетность, там есть выделенные на это люди, на определенный срок и так далее. Сроки были полгода или год. И тут, по нашим соображениям, действительно, эти полгода подходили, или год подходил, не помню. Они, в общем, они убедили Тому, что «мы решили все это дело прекратить, пусть ваш муж придет в прокуратуру подпишет все документы... Вы же понимаете, что нам надо закончить. У нас же тоже отчетность». Ну, в общем Тома меня убедила. Тома меня убедила прийти, я действительно пришел в районное управление КГБ по Бабушкинскому району. Причем, по-видимому, они никак не могли получить подпись прокурора о моем аресте. Потому что им предъявить было мне ну абсолютно нечего.

Ну, пришел я в Бабушкинский это самое... И как я сейчас понимаю, этим самым следователям, которые на самом деле собирались меня посадить, но для этого им нужна была санкция прокурора, ее долгое время не удавалось поручить. Пришел я, как они и попросили, часов в одиннадцать утра...

Д.С.: А что значит «попросили»? Они вашу жену...

С.Г.: Они передали, да. «Ну, пусть придет вот там вот в такой-то день, там, в одиннадцать утра, четвертого марта...»

С.П.: То есть, не повестка это была, а просто...

С.Г.: Да, ну, вот, вот, уговорили. У Тома тогда еще никакого опыта не было, да и у меня самого тоже, в общем. Послать их на... куда надо, мы еще не умели. И, по-моему, до четырех часов вечера я сидел в коридоре, и все время открывалась то одна дверь, то другая, и меня спрашивали: «Это вы Григорьянц? Вы подождите, пожалуйста, еще! Вы подождите вот еще! Не уходите, в общем!» Ну, в конце концов, они появились. Вот этот вот следователь прокуратуры, Леканов, и какой-то из гэбистов, я уж не помню сейчас, какой. И привезли с собой такого Николая Павловича Смирнова. Это был старый прозаик, когда-то ответственный секретарь журнала «Красная новь». Единственный выживший из всей редакции. Все они были расстреляны, по-моему, в 29-м или в 25-м... Из того узкого круга людей, которые интересовались эмигрантской литературой. Он тоже с кем-то переписывался, еще что-то такое... Было ему лет семьдесят

или семьдесят пять, руки и ноги у него дрожали.

Он сидел против меня, извинялся и говорил: «Сергей Иванович, они мне сказали, что, если я не дам показаний, то я опять окажусь там же, где уже был...»

И он вполне внятно, правда, сказав, что эти книги он уничтожил, сказал, что получил от меня, по-моему, один номер «Нового журнала»*, и, по-моему, семь или восемь номеров альманаха «Мосты»**. Но сжег. Но о том, что я от него, в свою очередь, получал эмигрантские книги, он умолчал. И я тоже не стал говорить об этом.

* «Новый журнал» — ежеквартальный журнал русского зарубежья. Издаётся в Нью-Йорке с 1942 г.

** «Мосты» — литературный альманах, выходивший в ФРГ и США с 1958 по 1970 гг.

Д.С.: А это не соответствовало действительности, что получал от вас?

С.Г.: Получил.

Д.С.: Или действительно получил?

С.Г.: Абсолютно! Там дело было вот в чем. То есть, конечно, вот, то, о чем вы спросили. Это были, все-таки, годы, когда и почта, и цензура, в общем, были сильно облегчены. Поэтому какие-то эмигрантские книги — там, скажем, романы Набокова, там, скажем, книги статей Георгия Адамовича, еще что-то такое — проходили по почте.

С.П.: По обычной почте, да?

С.Г.: Да, да. Даже какие-то газеты, которую я получал из Парижа, это были... была, в общем-то, совет... хотя и эмигрантская, но просоветская газета.

С.П.: «Русские новости», которая, да?

С.Г.: Да. Ну... Но тогда это была газета, издававшаяся не для советских граждан, а для эмиграции. И поэтому там было для меня очень много интересного. Там печатались воспоминания Ларионова, там печатались статьи тогда еще живого Андрея Шайкевича о балете, ну и так далее.

В общем, это была все-таки сравнительно цивилизованная газета. Это была, конечно, не «Русская мысль», но... Но для Советского Союза это было все равно интересно. И, конечно, абсолютное безобразие: я, вероятно, был единственный, кто вообще получал домой газету из Парижа, русскую, эмигрантскую.

Вот. Но кроме меня это... но кроме этого, особенно, вот, в те годы, когда я жил в общежитии университета, там было большое количество стажеров, иностранцев. Ну, в основном, это были филологи, занимавшиеся русской литературой. Ну и был такой сотрудник газеты «Русская мысль» на этот раз, и сотрудник НТС* Силанский, котор[ого], вероятно, не о[ного], а еще и со всякими другими сотрудниками НТС, кто ехал в Советский Союз и с кем удавалось договориться, нагружали всякой литературой, которая не проходила через почту, считалась антисоветской...

* НТС — Народно-трудовой союз российских солидаристов, политическая организация русской эмиграции, основанная в 1930 г.

Ну и довольно большое количество людей так привезло мне книги, разные причем. Но дважды это было связано с довольно сложными историями, потому что один из них, этот самый, ну, владелец замечательной коллекции эмигрантской литературы и художников эмиграции, этот самый, как его... когда-то в Третьяковке была его выставка*. Ну, потом вам скажу.

* Речь идет о Рене Герра (род. 1946), французском коллекционере, обладателе крупнейшей коллекции художников, поэтов и писателей русской эмиграции.

Он мне притащил какие-то книги... он с восторгом это описывает, как он стал жертвой советской власти,

и так далее. Так он привез мне какие-то книжки, и его после этого выслали из Советского Союза. В другом случае (я это где-то описываю) дочь одного итальянского профессора заставили уехать раньше срока, устроили обыск в поезде, и нашли там мои письма. А ведь отправлять нелегально письма тоже нельзя было. Ни получать, ни отправлять. Да еще письма, где я прошу прислать мне какие-то книжки. Ну, в общем, так все это потихоньку набиралось, набиралось. И, конечно, никакие «Мосты» и никакой «Новый журнал» по почте не проходил. Тут я не был как раз человеком совершенно исключительным: скажем, Богословский получал гораздо больше книг, но, правда, через французское посольство, чем я.

Ну, еще были люди, которые, в общем... не так это было важно, и эмигрантские книжки... Но, понимаете, там, в провинции, за это, конечно, сажали. Это было чем-то экстраординарным. Но в Москве, в общем, не сильно это кого-то интересовало. Тем более что я вообще был одним из четырех или пяти человек, который имел официальные допуски. Это была моя профессия, простите меня, пожалуйста! У меня были допуски в спецхраны, в архивы, в ЦГАЛИ, ну и так далее, так далее. Я ссылался на эти книжки в своих статьях... Было известно, что там есть, по меньшей мере, десяток человек, у которых есть такие книжки. Но если они, как я, не занимаются никакой антисоветской пропагандой, особенно ничего, не участвуют в диссидентском движении, то, в общем, совершенно никого это не интересовало. Я не понимал довольно важной вещи, которую понял гораздо позже. Что как раз вот эта вот моя идея о том, что политика вредна для литературы, у них вызывала совершенно обратное представление. Что если я, будучи со всеми знакомым, с Некрасовым, еще с кем-то, с Войновичем, Наташей Горбаневской — с людьми, которые довольно активно занимаются активной диссидентской жизнью, — в этом участия не принимаю, значит, я очень боюсь. Ну а если человек боится... у них психология такая, шакаля, по большому счету. Если ты отступаешь на шаг, то вцепиться в горло. Если человек боится, значит его дальше уже запугать, в общем... То есть на самом-то деле я сам себя слегка подставлял еще дополнительно. Но, конечно, совершенно тогда еще этого не понимая. Ну, всеми этими показаниями Николая Павловича и теперь уже имевшимся у них постановлением о задержании я был возмущен в высшей степени. Меня тут же отвезли в КПЗ, уже дело шло к вечеру...

С. П.: То есть, морально вы были к этому не готовы, естественно, это стало для вас полной неожиданностью.

С. Г.: Ну, это не совсем так. Это не совсем так. Я в общем понимал... где я живу... больше того, за несколько дней до... может быть, недели за две до этого я однажды встретил... был такой литературовед Саша Морозов. Известный довольно... ну, вот, сейчас, вот, его портрет в Третьяковской галерее висит, в экспозиции. Занимавшийся Мандельштамом... Нет, потом занимавшийся Шаламовым. И он мельком сказал, что... у меня уже к этому времени была пара обысков — один в Москве, без всяких результатов. А потом заболела моя мать, и я поехал в Киев. Да еще, поскольку не на кого было оставить бульдога, с бульдогом. Ну, заболела...

” На пятый день, что ли, я ухожу в институтский парк погулять с собакой, возвращаюсь — а у меня полный дом всяких чинов.

Замечательным в этом было то, что там были не только этот следователь, как потом оказалось, ведший с самого начала мое дело, Леканов, и какой-то гебист, еще кто-то, но еще и двое понятых. Ну, таких молодых людей, лет восемнадцати-девятнадцати. Якобы случайно их встретили около дома, привели в качестве понятых. Все было в этом бы ничего, кроме того, что это были те самые двое «случайно встреченных» молодых людей, которые были на обыске у меня в Москве (*смеется*).

Д.С. (*смеется*): Бывает, бывает...

С.Г.: Такое бывает...

Д.С.: Значит, они за вами еще и ездили.

С.Г.: Да... нет, они, конечно, воспользовались... Понимаете, устроить обыск у моей матери они, как... а им очень хотелось. А никаких оснований вообще не было. А вот если я приехал в Киев, то вот тут вот можно сказать, что это обыск у меня. Ну, по-моему, они нашли у меня действительно пару эмигрантских книг, в общем, там... большого значения не имело. Единственная существенная там была история, которую я рассказываю. Ну, мама была больна. Да, мама была больна. У нее причем как раз в этот день должен был быть врач из поликлиники для ученых. У нее была повышенная температура. В общем, врач пришел, как раз когда они рылись в моей комнате. А у нас гигантская библиотека моего деда, каких-то дореволюционных книг. Частью пропавшая во время войны, а частью уцелевшая, а частью... Они, значит, у меня роются, у мамы врач, вызывает меня, говорит, что «ну, вот, конечно, ей надо лежать, вот, конечно, ну, все-таки, немолодая женщина, и надо быть поосторожнее». И когда он уходит, они начинают ломиться к маме в комнату. Ну, а это профессорская квартира, высокие такие, почти четырехметровые двойные двери. Я, значит, пытаюсь сопротивляться. «Ну, во-первых, вы, говорю, же слышали, что она больна, что это самое... какие могут быть вообще с ней разговоры? И пришли вы ко мне...» Но, тем не менее, они меня вполне успешно, там, то так, то сак отталкивают. А мама слышит это, естественно, вся эта возня ей не нравится. Говорит: «Да ну, пускай войдут, чего ты...» Во-первых, она понимала, что они все равно войдут. Ну, полчаса они, значит, с ней там разговаривают.

Д.С.: В ваше отсутствие? Без вас?

С.Г.: Я даже не могу [при этом присутствовать], потому что остальные-то роются у меня в книгах и в моем письменном столе и в моих бумагах и так далее. И я даже не могу... они как бы разделились пополам, их там человек шесть-семь. А я еще не знаю, не подбросят они мне что-нибудь... Ну, в общем, они разговаривают с мамой... и это, конечно, важно...

Да, так почему я... это вы меня спросили, что для меня арест был неожиданным. Ну, то есть была уже пара

этих обысков, и в Киеве, и в Москве. В общем, я далеко не был так наивен. Встретил Сашу Морозова, говорю: «Ну, вот, скорее всего, арестуют». Тем более, что вокруг нас было довольно много... был литературовед Леня Чертков, который уже отсидел, и с которым мы были в более-менее приятельских отношениях. Был Алик Гинзбург, который уже тоже там два года просидел, ну и так далее. То есть, ничего такого уж необычайно редкого в этом не было. И в Киеве, по-моему, в это время уже был арестован Параджанов. А может быть, уже и был выслан Некрасов. Да, конечно, конечно, все это было раньше. Ну, вот, в течение последнего этого года. Саша на меня смотрит с ужасом, говорит: «Ну, вы что, так спокойно об этом говорите». Я пожимаю плечами, говорю: «Ну, вы знаете, в Советском Союзе в тюрьмах оказывались люди и получше меня». Так, к его ужасу, мы разошлись.

С.П.: А бежать вы не думали? Например, уехать, или, там, не знаю, пытаться как-то... Или это сложно?

С.Г.: Нет, никогда не думал. Меня до этого уговаривали. То есть меня убеждали уехать. Уже уехал кто-то из коллекционеров, такой Тетерятников меня убеждал, что, вот, посадят же... Еще что-то такое...

Д.С.: А почему вы не рассматривали это... Или рассматривали, все-таки?

С.Г.: Никогда не рассматривал. Меня выгоняли тридцать лет. Самыми разными способами. Но ни тогда я... об этом не думал... С одной стороны, у меня было довольно реалистическое представление об эмиграции.

Я все-таки действительно занимался эмигрантской литературой и я точно знал, что эмиграция — это не выигрыш, а обмен одной потери на другую.

Что, может быть, ты что-то и приобретаешь, но заведомо очень многое теряешь. Я знал, что вот этому моему двоюродному деду Санину в эмиграции было совсем не так уж хорошо, хотя он одно время руководил вместе с Тосканини театром Ла Скала. Но умер, кажется, в абсолютной бедности. Он похоронен в Риме, рядом с Вячеславом Ивановым. Мне сын Вячеслава Иванова показал его могилу. В общем, у меня иллюзий, как были тогда у очень многих, относительно необычайных достоинств жизни в эмиграции, не было. Да и вообще... ну, вообще, я был довольно упрямый человек: ну, с какой стати? Это моя страна и... действительно я знаю своих родных триста лет, и с какой стати?... Потом я так в Боровске объяснял участковому, который меня все убеждал. Он одно время убеждал и меня, и в это же время свой участковый убеждал Толю Марченко, что «ну, вот, вам же здесь все не нравится, почему вы не уезжаете?» И потом, как рассказывал он мне, мы ответили совершенно одинаково. Смотрели на этих участковых, сказали: «Ну, почему же? Почему же мне все не нравится? Мне многое нравится! Мне *вы* не нравитесь. А так-то...» (*Смеются*). Но Толя-то как раз хотел уехать. Толя просто не хотел уезжать... Толя хотел уехать как политический эмигрант. Открыто в Америку или во Францию. Но не как муж еврейской жены. А предлагали, вот...

Камера предварительного заключения. Первая голодовка

С.П.: Давайте вернемся к нашей теме? Вот, произошел...

С.Г.: Ну, значит, я оказался в КПЗ на каких-то этих нарах. Тут же от возмущения заявил, что объявляю голодовку...

С.П.: В тот же день, прямо...

С.Г.: Сразу же!

Д.С.: А день вашего ареста какой?

С.Г.: Четвертое марта 75-го года. Тут же... ну, поддержали они... сделал мелкую глупость, надо сказать,

которая бывает у всех почти людей, которых только арестовывают. Потому что, буквально на следующий день в эту КПЗ приехал следователь, который тут же начал говорить о книжках, которые у меня были. Но никаких доказательств того, что я их читал у него не было. Никаких... Сначала никакого толку от разговоров со мной у него не было. А потом то ли он мне польстил, то ли я ему, что-то такое... Но, в общем, он мне сказал: «Ну хорошо, но вы же литературовед, вы знаете этих писателей, вы знаете, о чем идет речь». И я ему что-то вроде того сказал, что «ну, конечно, что-то я, в общем, понимаю». Так неопределенно. Ну и в общем на много лет... на много месяцев это было единственное, что у них для меня было.

Д.С.: То есть, что вы читали книги, которые...

С.Г.: Ну, что я понимал, что они могут быть в той или иной степени... что там может быть... да, что там может быть какая-то недоброжелательная информация.

Д.С.: А речь шла о чем? Об изданиях эмигрантских литераторов?

С.Г.: Да, каких-то эмигрантских книжках, которые то ли они у меня нашли, то ли вот о том, что попало... Ну, что Смирнов сказал, что получил от меня эти книги. На что я ему сказал: «Ну, он же их не читал, и я их не читал».

Д.С.: Понятно. Сергей Иванович, а не просто книги и писатели, которые изданы за границей, а настоящая антисоветская литература, то есть, ну, я не знаю, издания НТС у вас были? Или что-то такое?

С.Г.: Ну, такое... журнал «Мосты» — он был абсолютно антисоветским.

Д.С.: Ну, то есть, вот это вот...

С.Г.: Ну, да. Но, понимаете, уголовным преступлением является сознательное распространение антисоветской литературы. А если я не знаю, что это такое?

Д.С.: Понятно.

С.Г.: Когда меня второй раз арестовывали с целым портфелем журналов «Континент», я очень охотно рассказал, что...

С.П.: Что вы нашли это.

С.Г.: Да, ну, впервые нашел, еще не успел посмотреть. *(Смеются)*.

Д.С.: А как вы сидели? Вот, к вам кого-то посадили, или как?

С.Г.: Ну, сначала, естественно, в эти первые три дня никого не было... у нас были нормальные бытовые эти самые...

Д.С.: А сколько вы держали голодовку? Просто упомянули...

С.Г.: Ну, это давайте я вам расскажу тогда. Ну, значит, на третий день меня привезли в «Матросскую тишину»...

Д.С.: А первое время — это КПЗ?

С.Г.: Три дня. Так полагается. Это задержание. Еще не было постановления... Больше трех дней не разрешалось держать в КПЗ. Привезли меня туда, хотя я сказал, что голодаю, тем не менее, поместили меня в общую камеру. Было нас там... ну, в общем, это была из таких, сравнительно не набитых камер. Какой-то хмырь с килограммом сахара, которого, якобы, перевели из другой камеры, и который был на самом деле, конечно, такой тюремный стукач.. Он, якобы, торговал какими-то то ли шелковыми платками, то ли еще чем-то. Ну, в общем, какая-то такая подпольная... Все пытался со мной поговорить, но никакого толку из этого не было. И тогда... единственная крупная неприятность, которая была в этих камерах, — то, что там было чудовищное количество клопов. А, нет... нет, в общем, никакого...

это я забегаю вперед. Никакого толку не было. Я действительно ничего не ел...

Д.С.: А сколько продолжалась ваша голодовка?

С.Г.: Ну, в этой камере продолжалась неделю. Потом они меня перевели, как и полагалось с самого начала, в камеру специальную, для голодающих. Там было человек десять, людей, в высшей степени забавных. Вот тут уже никаких коек особенно не было, в основном все спали на матрасах на цементном полу.

” Там был какой-то человек, который изображал из себя сумасшедшего, был какой-то человек, который замечательно рассказывал, как он с приятелями ограбил ювелирный склад, но попался только потому, что не удержался и подарил своей девочке кольцо с бриллиантом.

Но потом принесли его обвинительное заключение, которое он как-то не спрятал, и выяснилось, что он украл у приятеля шапку, тот написал на него заявление. *(Смеются)*. В общем, это было очень забавно все. Но в камере для голодающих уже регулярно делали искусственное питание.

Д.С.: А политические были в этой камере?

С.Г.: Нет. Никаких там политических не было. И мне было очень забавно... я с большим удовольствием слушал все эти рассказы. Было нас человек десять на разных стадиях голодовки. Кто-то уже голодал довольно долго, что совершенно не мешало возить его на суд голодающим...

Д.С.: А вы первый раз голодали в жизни, или нет?

С.Г.: Да, конечно.

Д.С.: Ну а, вот, физический опыт — это же, в общем, тоже не сахар?

С.Г.: Ну, не знаю. На самом деле, мучительны ведь в голодовке — и это я уже потом не только знал, но и почувствовал много раз, потому что однажды мне так специально устроили пытку — мучительны первые пять дней. Первые пять дней, когда перестраивается организм. И вместо того, чтобы питаться тем, что ты ешь, что у тебя в пищеводе, там, в желудке, организм потихоньку начинает поедать мышцы... Ну, в общем, как-то... И вот эти дни перестройки организма действительно переносятся с большим трудом, чем все остальные. Дальше это уже... Ну, разные люди по-разному. Я, в общем, человек, всегда довольно хорошо державший себя в руках, и совершенно меня это, по крайней мере, не заставляло ни особенно переживать, ни мучиться. Но, во-первых, они начали делать... вызывать в соседнюю камеру и делать искусственное питание. То есть, втыкать шланг...

Д.С.: А, это принудительно?

С.Г.: Принудительно, да.

Д.С.: То есть, вас держали?

С.Г.: Держали, да.

Д.С.: Привязывали, видимо, нет?

С.Г.: Нет. Обычно... два каких-нибудь здоровенных охранника держали, я не очень сопротивлялся, потому что я понимал... у них были расширители для зубов, еще что-то такое... я понимал, что справиться я с ними не справлюсь, что... ну, поломают они мне зубы, ну, поломают это самое... в общем, в конце концов со мной будет то же самое... Никакого смысла нет. И прошло дней двадцать в общей сложности. Ну, и я решил, что я делаю ошибку. Глядя на то, как возят в суды вызывают к следователям моих соседей, я просто понял, что от того, что я буду продолжать голодовку, ничто не изменится, а вот я зато буду в существенно более слабом состоянии. А мне нужны силы и мне нужно быть в состоянии отбиваться.

С.П.: А у вас было какое-то требование, непосредственно? Или это было...

С.Г.: Нет, это было чистое возмущение по поводу незаконного ареста.

Д.С.: Ведь, при голодании важно и входить и выходить [в голодовку], вода, которую много нужно пить...

С.Г.: Ну, воду все пили.

Д.С.: Воду давали в большом количестве?

С.Г.: Нет, они приносят... Да, там были чайники, по-моему, даже. Ну, чай же дают отдельно, понимаете, еду отдельно. Ну, сухой голодовки никто не объявлял. Понимаете, ну, я могу заранее сказать: на самом деле, потом я уже, приобретя и собственный опыт и достаточно много узнав... конечно, разные люди переносят голодовки совсем по-разному. Причем крупные люди вот такие, как, допустим, Толя Корягин, с которым потом мы однажды голодали, врач-психиатр, уже в Чистополе. Он громадный сибиряк такой, к тому же моложе меня, он, конечно, переносил все это очень тяжело, для него это было... ему и обычного питания тюремного было недостаточно, а уж голодовка — это... Даже с искусственным питанием, потому что искусственное питание — оно все равно недостаточно. Любое причем. Тогда я уж давайте объясню все подробнее. Скажем, тот сюжет, вот, то, что я был против незаконного ареста, — вот это вот совершенно не интересовало никакое тюремное начальство. Это вообще их не касалось... Не они меня арестовывали, никак это не задевало. И в общем такие вот голодовки — они самые безопасные, сравнительно. Очень опасно, когда (и потом у меня такие ситуации были), когда это направлено против администрации.

Д.С.: Лагеря или тюрьмы, да?

С.Г.: Да. Когда для них от этого зависит их работа или хотя бы их характеристики, — вот это вот уже действительно переходит очень опасную стадию. В Ярославской зоне у меня это все так и было, и поэтому и было особенно страшно. Ну а так — человек, которому не делают искусственного питания (как не делали мне однажды суток пятьдесят), обычно умирает, в зависимости от своего состояния, это проверили на себе (если это не сухая, а просто голодовка) ирландские террористы. Они умирали от сорока пяти до шестидесяти суток. В Великобритании запрещено искусственное питание, если ты на это не согласен. Они на это не соглашались и умирали. Но с сухой голодовкой все, конечно, иначе совсем. Без воды человек может жить от семи до пятнадцати суток.

Д.С.: Вообще без воды.

С.Г.: Да. И это опять-таки зависит от того, лежит он тихо или находится в пустыне, в каком состоянии он находится. Поэтому даже уголовники это все очень хорошо понимают. Даже по уголовным понятиям когда объявляется коллективная голодовка, тем не менее, вопрос о том, присоединишься ты к ней или нет, — это твое личное дело. Потому что ты реально рискуешь жизнью. И за тебя никакой вор, никто решить этого не может. Могут к тебе лучше или хуже относиться, это уже зависит от ситуации, но... поэтому эта идиотка Лера, которая уговаривала этих дээсовцев* объявлять голодовки и так далее, и так далее — это от абсолютной глупости и полного [отсутствия] чувства ответственности за реальную жизнь других людей.

* Демократический союз (ДС) — первая открытая оппозиционная политическая партия в СССР, созданная в 1988 г. Валерией Новодворской и Евгенией Дебрянской.

Но в то же время с искусственным питанием, скажем, я знал о таком случае. (Я знаю массу историй, все пересказать я не могу.) Вот, скажем, был человек, который объявил голодовку в знак протеста против, правда, уже приговора, по-моему, неправоудного. И в общем, это никак не задевало администрацию зоны, где он находился, потом тюрьмы. «Не мы его садили, не нам его это самое... пусть сам разбирается». В общем, относились к нему вполне спокойно, никто его не мучил, не терзал.

С.Г.: Хорошо. Ну, тут я хотел только закончить. В советское время была еще такая довольно жесткая система. Во-первых, кстати говоря, все заявления в прокуратуру всегда отправлялись. В зонах могут

убивать, могут тебе что угодно делать. Но не допускалось, чтобы об этом... по крайней мере в большинстве случаев — бывали, конечно, исключения... об этом сразу не расскажешь, но в основном все-таки, начальство хотело знать, что происходит. Оно все равно встанет на твою сторону в смысле, тюремщика, оно все равно тебя прикроет и так далее. Но чтоб ты не скрывал. А в случае голодовок, то есть, отказа от приема пищи, правило было примерно таким: дней через двадцать, если я не ошибаюсь, может быть, через месяц, приезжал районный прокурор по надзору за местами [заключения]. То есть, ты мог добиться того, что к тебе приедет прокурор и ты уже не бумагу, а будешь с ним разговаривать. Если это ни к чему не приводило, то, скажем, через два месяца приезжал областной прокурор. Потому что так или иначе и в тюрьмах, и в лагерях они каждый день давали рапортчик о том, сколько заключенных, сколько в таком состоянии, сколько в больнице... И там была всегда графа «отказывающихся от приема пищи». То есть так или иначе твоя голодовка становилась известной. Это была одна из причин, почему я, да и не только я так много объявлял голодовок. Потому что это была на самом деле единственная возможность хотя бы чего-то добиться. Ну и мне, как правило, это удавалось. Не на сто процентов, а так вот, в конечном итоге через какое-то время заключался компромисс.

С.П.: А что, начальство получало по шапке за умирающего голодающего, или как?

С.Г.: Ну, конечно...

С.П.: Потому что мне всегда было интересно, просто странная такая игра: «голодаешь и голодай»...

Д.С.: «Хоть ты сдохни...»

С.Г.: Нет, нет, это нарушение, это значит, что так или иначе... Понимаете, это были, там, я думаю, что в тридцатые, в сороковые годы так и было. Но после Хрущева этого уже не было. Это так или иначе, если человек объявляет голодовку, значит, может быть, там есть какие-то нарушения и неправильно ведет себя администрация. Что что-то не так в тюрьме или в колонии. Это во-первых. Во-вторых, конечно, надо было писать объяснение, оправдываться, а вот почему он умер, а вот почему... Со мной это было потом много раз, первый раз в той же «Матросской тишине». Попав, когда меня первый раз посадили в карцер, а меня... ну, там, ну, день, потом я расскажу вам. Неважно. В общем, давайте я закончу вот эту вот историю. В общем, вот этот человек, так голодал, голодал, к нему приезжало все новое и новое начальство, ему делали искусственное питание, и в конце концов его жалобы довели до того, что оказалось, что он действительно был невиновен. Вот он сумел добиться того, что уже на высоком уровне, прокуратуры республики, или еще где-то, но в общем дело его было пересмотрено. Дело его было пересмотрено, но он-то умер.

Д.С.: А, он умер в процессе голодовки.

С.Г.: Нет. Ну, он, по-моему, уже после того, как дело было пересмотрено. Но он уже проголодал почти год. И со всем этим искусственным питанием, со всем этим... сравнительно спокойным и доброжелательным к нему отношением. Так что, вы понимаете, искусственное питание — оно всегда недостаточно.

С.П.: Но в любом случае, конечно, это нагрузка на организм...

Д.С.: Чудовищная!

С.Г.: Это, так скажем, было отступление у меня. В общем, голодовку я прекратил, день на двадцатый, наверное.

Д.С.: Сергей Иванович, расскажите, как процесс выхода из голодовки? Ведь есть определенные...

С.Г.: Да какой процесс выхода?

Д.С.: Нет, ну, там, пища тюремная — это же... ну, господа, что это такое? Ну, как? Вы же начинаете это есть. У вас организм должен это принимать как-то.

С.Г.: Ой... вы меня заставляете забегать вперед.

Д.С.: Ну, просто эта тема...

С.Г.: Я бы вам все рассказал, и через все это я прошел, и в сложных ситуациях, и... кстати говоря, может быть, вы читали, есть у меня такой кусок «Последний год в тюрьме».

Д.С.: Как-то я не помню...

С.Г.: Там как раз очень много о Толе Марченко... Это 86-й год.

С.П.: Про Чистопольскую тюрьму...

С.Г.: Что?

С.П.: Про Чистопольскую тюрьму как раз.

С.Г.: Да. Чистопольская тюрьма. Там подробный рассказ, в частности, например, о том, как самым чудовищным образом я выходил из голодовки. Я человек прямолинейный, понимаете? Я, в общем, никогда ни с кем не играю ни в какие игры. В моей жизни был один случай, когда я устроил определенную систему конспирации (для Бюллетеня «В»*), поскольку было ясно, что надо продержаться как можно дольше. И это оказалось вполне успешно, и арестован был только я, никто больше найден не был. Хотя они все всё понимали, но никаких доказательств не было.

* Бюллетень «В» — самиздатовское правозащитное периодическое издание. Выходил в 1980—1983 гг.

И у меня был второй случай, в последний год, когда я вполне сознательно их обманул. Ну, они, может быть, хотели, чтобы их обманули, но, в общем, так или иначе. И прекратил голодовку... Когда ты прекращаешь голодовку, то одно из условий вот этого договора — это то, что в течение какого-то времени ты будешь получать или диету, или сможешь купить белый хлеб в ларьке, и еще что-то такое. А тут я прекратил голодовку без всяких условий. А я еще и к тому же, в это время был на строгом режиме. То есть, на самом деле, я получал одну такую мисочку каши в день и, по-моему, пять соленых килек. И чудовищный черный хлеб. Ну и вот такой вот выход из голодовки... Это невеселый вариант, и приводит к кровотечениям и ко всем... А тут нормально... наверное, у разных людей это по-разному, но, в общем, если это не катастрофическая какая-то голодовка, то... и если ты достаточно осторожен, то в общем все эти медицинские байки не так уж обязательны. Господи, вообще, питание на следственном изоляторе всегда лучше, чем... В общем, особых проблем не было. Другое дело, что ты, конечно, гораздо слабее. Тут меня уже перевели в новую камеру.

Начало следствия

С.П.: Но это все было до приговора, да?

С.Г.: Ну, конечно, это все «Матросская тишина». Нет... тут меня вернули в старую камеру, вернули меня в старую камеру, ничего особенно не менялось там. Но опять-таки совершенно очевидно, что от этого хмыря с его килограммом сахара тоже никакой пользы не было. Главное, понимаете, это довольно общее такое соображение. Но ко мне оно не относится. Люди, когда их арестовывают, обычно очень суетятся, переживают, волнуются... и, в частности, на них очень влияет, если при этом о них как бы «забывают». Вот забывают и забывают. А человек переживает: «вот меня арестовали, вот, что будет, а вот, что будет... даже поговорить не с кем, не было бы, может быть, там, чего-то...» Но я человек спокойный. И на меня это не действовало абсолютно никак. Ну, не вызывают меня — и слава Богу, ну и сижу там... Единственное, что я сделал, и это оказалось... ну, не знаю, в общем, привело к серьезным последствиям. Я в общем скорее для развлечения написал в прокуратуру жалобу. Но не только о том, что я незаконно арестован, но еще к тому же, что, несмотря на мои протесты, была подвергнута допросу моя семидесятилетняя мать, да еще когда она была больна, да от нее только что ушел врач... написал вот такую жалобу.

Я не помню, в каком это порядке происходило. Ну, наверное, через какое-то время после этого меня

следователи, наконец, начали вызывать. И следователь мне с восторгом показал заявление моей матери о том, что она совершенно не согласна с тем, что я написал. Что следователь был с ней вполне вежлив, корректен, и разговаривал с ней с ее полного согласия. И никаких претензий у нее к нему нет. Тут я могу забежать вперед, потому что потом, когда после суда, наконец, нам дали первое свидание, я спросил: «Мама, ну а что ты, кому ты, собственно говоря, помогаешь и зачем ты писала такое заявление?»

Она мне ответила: «Ну а ты, вероятно, хотел, чтобы у тебя дочь родилась живой?» Я сказал: «Да». — «Ну, так вот это вот была единственная возможность прекратить допросы твоей жены».

А потом выяснилось... Я очень хорошо отношусь к своей жене, мы женаты уже бесконечное количество лет, но сказать, что я был образцовым мужем, нельзя было никак. И поскольку они за мной следили, то и на эту тему у них была всякая информация. Жена была на пятом месяце беременности. Следователь, пытаюсь... что всегда бывает, они всегда, стараются настроить твоих родственников против тебя, начал открывать ей глаза на мое поведение. И она потеряла сознание и упала на пол. И после этого, действительно, у моей матери не было выбора: писать такое заявление или нет.

Но я пока этого ничего не знал. Но, тем не менее, толку от меня особенного нет. И, вот, выяснилось, что все эти железные койки кишат клопами. Мы начали выжигать их, что-то такое... Оказалось довольно быстро, что главный виновник всего и нарушитель режима содержания — я, и я был отправлен в карцер. Но наивен я был настолько, что... меня посадили в карцер (за выжигание клопов), а там на бетонном полу был вот такой вот слой воды. И я решил, что... позвал дежурного, попросил тряпку. Говорю, что, наверное, убрали и не вытерли как следует. Он так усмехнулся моей наивности и тупости, потому что на самом деле вода на цементном полу — это верный путь к туберкулезу. Ну, туберкулез у меня не начался, но что-то начало течь из ушей. Я попросил вызвать... попросил, чтобы мне принесли борной кислоты закапать в уши, никакой борной кислоты ни у кого не было. Меня вызвал к себе какой-то молодой хмырь врач, которому я пожаловался... я еще не понимал толком, говорю: «Ну, что у вас борной кислоты нет?» — «Ну, и нет». Я говорю: «Ну, хорошо, но это опасно, это воспаление в ухе...» — «Ну и что? Чего опасного? Я все равно отпишусь, что с собой не было». К этому времени... Вы, наверное, вот о Параджанове то, что я написал, читали? Меня вызвали из карцера и устроили очную ставку с этим Юрой Милко. Но никакого значения в общем это не имело, потому что... ну, что? Ну, купил я у него, серебряные стаканы, вот они у меня до сих пор. Ну и что? Но на меня это сильно подействовало, потому что он-то был из Киева. А мне уже показывали массу всяких каких-то показаний то тех, то тех... мне стало так противно, что они начнут таскать всех этих стариков и привозить их в Москву... В общем, я дал вполне сознательно всем этим какую-то зацепку, чтобы он хоть в чем-то мог меня обвинить.

Д.С.: А какую вы дали зацепку?

С.Г.: Я не помню уже сейчас. Я не помню, с чем это было связано. Наверное, все-таки с книжками. Но, тем не менее, у него хотя бы хоть какое-то дело получалось. Потом меня Татьяна Георгиевна, которая... она познакомилась с моим делом, спросила: «Ну а зачем вы отступили?» Мне не хотелось объяснять просто всего этого, я ей ответил, что «ну, это был шантаж». На самом деле, никакого шантажа не было, это просто, вот, мое... что все равно они от меня не отстанут.

Д.С.: А сколько вы пробыли в карцере с водой?

С.Г.: Наверное, дней десять. Не безумный срок. Но после этого меня уже подняли в другую камеру. И вот это уже была камера такая, тщательно отобранная, в том числе и для меня. В ней уже был и Юра [Анохин] ... Это вам придется смотреть по каким-то моим текстам... который уже к этому времени за стихотворение в поддержку Венгрии. В общем, в ней уже были люди, шедшие по каким-то гораздо более крупным делам. И гораздо более... серьезные и цивилизованные. Ну и там за компанию был еще и некий Лева Аваян. Сравнительно молодой армянин, лет двадцати пяти — двадцати семи, может быть. Лева — это было характерное такое сокращение от армянского имени Левон. На самом деле, у него это было, как потом

выяснилось, сокращение от имен Лаврентий. Он считался одним из обвиняемых, которых возили регулярно в городской суд по тогда очень, по крайней мере в тюремных кругах, известному «делу прокуроров». Это действительно было довольно страшное дело.

Ну, в общем, вот, среди прочего, вот, было и это дело. О котором этот Лева Аваян мне тут же рассказал, как и многом другом, как идет дело. Вообще был очень заботлив, всячески мне старался помочь, еще что-то такое. А меня держали довольно жестко. То есть если еще продуктовые передачи какие-то я получал, то, скажем, никакую передачу с одеждой... вот, уже прошло месяца два...

С.П.: То есть, вы были в той же одежде, в которой вас привезли.

С.Г.: Да. Да... Нет...

С.П.: Или одежда уже была...

С.Г.: Дубленку у меня забрали, все у меня забрали, но, скажем, белье у меня было то же самое, которое я не мог переменить два с лишним месяца. А для начала помог мне получить от жены передачу хотя бы с бельем. А потом, таинственно отведя меня в сторонку сказал: «Ты понимаешь, меня возят, значит, на суд. Возят на суд несколько месяцев, и у меня там есть свой шофер. И он от меня передает записки моей жене. Ты знаешь, напиши тоже записку, я ей передам, а моя жена передаст твоей жене». Ну что? Предлагает — замечательная ситуация. Я беру такой тетрадный листик в клеточку, мелким почерком, на каждой строчечке подробно описываю тюремную жизнь. Вот, как я тут живу, что происходит... он мне заглядывает через плечо... Не то. В общем, сначала берет у меня эту записку, но потом приходит: «Не повезло. Был какой-то шмон, и пришлось бросить записки в бак с бензином». Ну, не повезло — не повезло, что делать? Приходит дней десять, недели две. Он говорит опять: «Ну, кажется, все наладилось, напиши». Опять беру листик в клеточку, мелким почерком, на каждой строчке, подробно описываю тюремную жизнь. Тут он уже заглядывает: «Да нет, ну, ты не это пиши. Ты пиши, с кем надо повидаться, кому что передать, там это самое...» Я: «Я же пишу жене, я пишу то, что ей интересно. Ей интересно, как я живу...» — «Ну, как знаешь, как знаешь». В общем, опять: «Ну, ничего не удалось».

Письма, полученные Сергеем Григорьянцем, когда он был в заключении

Д.С.: А вы поняли, что происходило тогда?

С.Г.: Ну, господа, не такой я доверчивый человек, в конце концов. Когда мне предлагают написать... да мне и писать было нечего, никаких секретов у меня абсолютно не было, и, господа, почему...

Д.С.: Ну а вообще-то вам разрешалось писать жене, или не разрешалось? Не разрешалось.

С.Г.: Ну, понимаете, письмо, которое... нет, по-моему, в это время и не разрешалось. Нет, не разрешалось, конечно. Переписка начинается, по-моему... тогда в следственных изоляторах еще никакой переписки не было вообще. Ну и, кроме того, если бы была, то она была... понимаете, описывать положение в лагерях, в тюрьмах и так далее категорически запрещено. Это то, что является совершенно секретным и так далее. Вот.

Ну, неважно. В общем, потом он много раз со мной там... он меня и уговаривал написать статьи в «Литературную газету» о каких-то моих знакомых, он мне и предлагал дать взятку следователю, что вот у него есть такая возможность. Я ему говорю: «Да нет, знаешь, Лева, что уже... Адвокату я заплачу, сколько надо будет, а еще следователю...» Кончилось дело тем, что он попытался начать меня запугивать. И объяснять, как[ое у меня будет наказание].

”

Вот тут вот я совершенно разъярился и чуть ли не вскочил на стул, начал вопить: «Ах ты, гэбист проклятый, ты еще запугивать меня вздумаешь?!»

Он страшно перепугался, совершенно побелел, бросился к двери. Но камера была набранная, в общем никто с ним выяснять... конечно, такое обвинение в тюремной камере — вещь серьезная.

С ним еще было... Его, конечно, в рабочие дни его возили в суд. Но, видите ли, у него был какой-то такой... я уж не помню, кто сейчас, адвокат, кажется, который договаривался, что на субботу и воскресенье... ну, в общем, он из нашей камеры исчезал. Да нет, все было более-менее очевидно. Пользы от меня все равно, в общем, не было.

Я уже не помню, кто мне начал предлагать... он, или... да, по-моему, он, дачу в Красногорске и работу в таком... да, ну, это, конечно, он. Потому что нормальные люди этого не знали. Дело в том, что законным образом заработать деньги в Советском Союзе было очень немного возможностей. В частности, в литературном мире — если ты писал прозу, и абсолютно просоветскую, это все зависело от тиража. От объема и тиража. Но для этого надо было быть уже абсолютной мразью какой-нибудь. Но был другой, более известный путь зарабатывания больших денег и, соответственно, это были очень богатые люди. По советским законам, за каждое исполнение песни по радио, скажем, песня, которая каждый день звучит, а еще в клубах, а еще, еще где-то, а еще где-то... И композитор, и автор текста получал какие-то деньги. И вот поэтому поэты-песенники — они были необычайно богатые люди. И точно так же были очень богатые люди драматурги.

Если пьеса твоя входила в обойму тех, которые шли по всему Советскому Союзу, то ты становился законным миллионером.

Никакие романы и близко к этому... и даже собрания сочинений. Но был один еще вариант, потаенный, который я-то знал, поскольку я знал такого человека по фамилии Виккерс, который... и они, по-видимому, понимали, что я знаю. При филармонии был такой... как это называлось? В общем, группа авторов всяких текстов для массовиков-затейников. Было их там человек десять. Ну а филармония выпускала такой бюллетенчик. И по всему Советскому Союзу в сотнях тысяч клубов, деревенских, городских, заводских — каких угодно, всякие массовики-затейники, которые вели там всякие концерты и так далее и так далее, имели право использовать только тексты вот из этого бюллетенчика. И таким образом, эти десять человек за свои абсолютно бездарные тексты, которые никто отродясь никогда не печатал, которые никому даже известны не были, тем не менее, получали каждый... ну, по рубliku за каждое исполнение в ста тысячах клубов. Вот, предложил меня туда устроить.

С.П.: Ну это синекура просто.

С.Г.: Да еще какая! В общем, я как-то ни на что не соблазнился, ни к чему это так и не привело.

Суд. Сокамерники

И в конце концов, наступило время суда. Надо было закрывать дело. Следовательно, действительно пораженный, очевидно, тем, что я никого... ни о ком ничего не рассказал.

Д.С.: А как часто вас возили на допросы? Вызывали на допросы?

С.Г.: Ну, довольно редко, потому что пользы от меня действительно не было никакой.

Д.С.: Тогда уже никаких методов воздействия, естественно, не было, не применяли?

С.Г.: Нет, нет, нет.

Д.С.: А кого еще можете назвать в камере, как, не знаю, любопытных людей? В последней камере?

С.Г.: Ну вот самым интересным был как раз Юра Анохин, о котором я начал рассказывать.

Он действительно был из группы студентов университета, которые в 56-м году выступили против ввода

войск в Венгрию и подавления венгерского [восстания]... и он писал стихи и он где-то, по-моему, на комсомольском собрании даже прочел своих стихи: «Венгрия... Венгр — ты наш... я твой русский брат...», еще что-то такое... И тогда все они были... Я где-то написал довольно подробно: демократическое движение в Советском Союзе вообще, надо сказать, очень мало изучено. В том числе, и «Мемориалом» в значительной степени искажено, потому что о чем-то они пишут, о чем-то не пишут. Но нет, например, такого... Я не знаю, знаете вы это или нет. Я думаю, что, может быть, и вы даже этого не знаете. У нас очень любят... особенно это делалось для рекламы Лары Богораз, писать о тех (и этого поганца Лукина), кто так или иначе хоть немножко выступил против ввода войск в Чехословакию. На самом деле, таких людей было очень мало. И никаким массовым движением это не было.

Д.С.: Ну, понятно, да.

С.Г.: А вот протесты против...

Д.С.: Венгрии?

С.Г.: Венгрии, были по всей стране. Были массовые, были почти во всех университетах... Я где-то это описываю... в каком-то из моих текстов это есть. Вплоть до того, что люди поднимали лозунги на демонстрациях, и... ну, в общем, в общем... это был совершенно другой масштаб просто. Причем Хрущева это тогда страшно перепугало, вплоть до того... Я сейчас упоминаю это в рассказе о Шелепине, в главе о Шелепине*... там я еще недавно дал ее на сайт. Придя в Союз писателей... А, там ведь, в Венгрии все началось с Кружка Петефи**. Это был кружок Союза писателей Венгрии. И Хрущев, во-первых, был всем этим перепуган, напуган. А, во-вторых, однажды чуть ли не в Союзе писателей умудрился обвинить Союз писателей СССР в том, что это они готовят переворот в Советском Союзе. То есть вначале это были довольно массовые аресты. Потом, надо сказать, через пару лет Хрущев отошел, и почти всем им были сокращены сроки, многие были отпущены и так далее. Но в 57-м... 56-й — 57-й год — это были годы массовых арестов по политическим причинам.

* Главу о Шелепине см. здесь: <http://grigoryants.ru/sovremennaya-diskussiya/shelepin-2/>

** Кружок Петефи — дискуссионный кружок венгерской интеллигенции, созданный в 1954 г. Его члены участвовали в подготовке событий октября 1956 г. в Венгрии.

И вот Юра Анохин был как раз одним из них. Он, конечно, был интереснее и лучше всех остальных.

Ну, скажем, был какой-то инженер (нефтяник, по-моему; я забыл его фамилию), который из ревности убил свою жену. Причем множество нанес ей ударов ножом. Мы с ним как бы были в хороших отношениях. Ну, интеллигентный мужик такой, московский. Но вот когда я завопил, что этот Лева Аваян стукач и он перепугался, я потом сказал этому вот (нрзб): «Ну, он же стукач, ну...». И тот в меня чуть ли не плюнул. Потому что, будучи очень расчетлив, он точно понимал, конечно, что тот стукач, потому что само собой, он гэбист, и что от его заключения о поведении — он мог получить и расстрел, мог получить и, там, какой-то срок за...

Д.С.: Непредумышленное...

С.Г.: ...непредумышленное убийство. Ну, вот, он очень заинтересован в этом.

Был один очень забавный, такой действительно опытный уголовник, по-видимому, такой... умевший договориться. Был один высокий парень, который служил чуть ли не на Северной земле в армии, а потом его... ну в общем, потом там были убиты... был убит какой-то парень, причем довольно зверским образом, и над ним еще издевались, пока он убит не был, в общем, как-то его унижали... Этому вот парню пришили это убийство. Потом выяснилось, что на самом деле это, в общем... ну, это была отвратительная совершенно ситуация с каким-то поголовным развратом в этой части, с каким-то заинтересованным в этом начальником политчасти, еще что-то такое... В общем, такое, довольно гнусное дело. Мне довольно многим приходилось писать жалобы.

С.П.: Потому что вы были в курсе.

С.Г.: Нет, потому что они не умели этого делать. Все меня об этом просили. И поэтому я оказывался действительно, это самое... Там был какой-то парень, который служил тоже, но служил в Москве в каком-то спецбатальоне строительном. И вот вся эта воинская часть, где-то тут, на Преображенке, что ли. Но в этом батальоне, было, я не знаю, человек шестьсот, наверное. Может быть, и тысяча. По вечерам с санкции начальства, которому они кто приносил бутылку коньяка, кто приносил, какую-то, это самое, занимались грабежами.

Д.С. *(смеется)*: А что, они всей частью уходили что ли?.

С.Г.: Нет, ну, поодиночке. У каждого были какие-то свои интересы.

Д.С.: Предпочтения, да?

С.Г.: Да. Вот у этого вот... их там была какая-то небольшая компания, человек пять, которые регулярно грабили склад какой-то гардинной фабрики в Москве. Грабили они его раз десять, по-моему. Но никакой недостачи там не обнаружилось.

”

И вообще попались они просто на том, они вот этими рулонами набирали багажник в такси, и однажды так набили, что багажник открылся. И кто-то другой, ехавший за ними, это заметил.

И то ли менту сказал, то ли еще что-то такое. Но кроме этого, они грабили магазины, кроме этого, они там еще что-то делали. Этот мой сосед был осторожным, и, насколько я понимаю, его все время ставили на стреме. По крайней мере, когда они там, по-моему, раз пять грабили какой-то магазин. И я ему исправно писал, что да, да, действительно (ну, там же были показания всех): «Вот, меня действительно позвали в компанию... но я в последний момент отказался! Я не пошел!» Ну и так далее, и так далее. *(Смеется)*. В общем, это были сплошные развлечения. Ну а потом был суд...

Д.С.: А до суда вас в Сербского не возили?

С.Г.: Нет, у меня же не было статьи... у меня же была 190-я прим, а не 70-я. Обязательная психиатрическая экспертиза должна была быть только в случаях государственных преступлений. А 190-я прим не была. Вот, второй раз, когда у меня была 70-я, там... ну, правда, я сам уже просился в Сербского, они меня не отправили. Но это уже исключительно от моей наглости. Они мне устроили там экспертизу стационарную, в тюрьме прямо. Но это уже был 83-й год, когда уже было столько скандалов с политзаключенными, объявленными сумасшедшими, что... до этого, если захотите, я как-нибудь дойду. А тут — нет, ничего этого не было. Последний раз меня пытались купить совершенно героическим образом. Посадили ко мне — но интеллигентно, на этот раз — в «воронок»... «Вворонки» объезжали все тюрьмы и все суды. Поэтому, во-первых, в тот день, когда тебя везут на суд, тебя поднимают в шесть часов утра, то есть ты не успеваешь позавтракать. И тебе дают там какой-то сухой паек. Ну, хлеба, какую-то гнусную полукопченую колбасу. Плюс к этому эта машина катится, собирая из всех тюрем тех, кого нужно, а потом развозя по судам. То есть это несколько часов.

«Воронки» бывают разных конструкций. Но довольно часто бывает такой вот: большое общее отделение и сбоку маленькое такое, специальное как бы вот такая, с такой вот скамеечкой.

”

Ну, запихнули меня, в этот боксик, я съел эту колбасу, все дребезжит, колбаса омерзительная, длится это бесконечно.

И ко мне запихнули здорового мужика, такого, интеллигентного, который тут же мне признался, что он на самом деле сотрудник КГБ, которого посадили за то, что он, досматривая книги, которые идут по почте в Советский Союз, воровал их и, в частности, воровал и мои книги. А у меня, действительно, не все

доходило далеко. Скажем, Кодрянская свою книгу о Ремизове* посылала мне шесть раз. Книжка нарядная, торжественная такая. Ну ладно. Хотя совершенно безобидная, как вы понимаете, ничего абсолютно там нет. Книга с цветной печатью.

* Кодрянская Н. «Алексей Ремизов». Париж, 1959.

Он, значит, признался мне в этом. Потом начал рассказывать мне, с какими материалами в КГБ можно познакомиться, о подпольных антифашистских организациях, какие у них замечательные архивы... Ну, надеялся, что я при своем академическом интересе ко всему... и при том, что я пишу и писал об этом, и так далее, и так далее, куплюсь хотя бы на это. Но меня вместо этого начало тошнить, и тут все вот в такой вот этой самой. И он героически час там выдерживал в этой блевотине и не попросился, чтобы его убрали...

С.П.: Профессионал!

С.Г.: Да, такой...

Д.С.: А у вас, вообще, слабый вестибулярный аппарат или нет?

С.Г.: Ну... средний. Я бы сказал, не катастрофический, но... но тут на пустой желудок, эта гнусная колбаса, и тебя трясет все время... ну... Бывали иногда какие-то проблемы, но сказать, что для меня это всегда бывало катастрофой в общем нельзя.

Перед этим у меня родилась дочь.

”

Однажды открылась кормушка, и мне сказали: «Григорьянц, у вас родилась дочь». И после этого я много лет всегда путал день ее рождения. Потому что я никак не мог поверить в то, что они мне сообщили в тот же день. И что это было не за два дня до этого.

Д.С.: А они действительно в тот же день сообщили?

С.Г.: Они сообщили в тот же день.

Д.С.: А как так получилось оперативно?

С.Г.: Ну, не знаю. Но тем не менее. Тем не менее, по-видимому, сразу же позвонили.

Ну, еще там были какие-то попытки меня запугать, в общем более-менее неудачные. Пото. на суде выяснилось... Я уже был знаком в общем с делом, я понимал, кто... это то, чего большинство людей, которые «доброжелательно» дают о тебе показания, все-таки не понимают. Что если ты не сотрудник КГБ профессиональный, которому надо скрываться, а даешь показания от запуганности или от желания услужить, то человек, о котором ты даешь показания, потом знакомится с твоими показаниями. Поэтому к чему-то я был готов, что-то оказалось неожиданным... Советские писатели вели себя довольно гнусно, надо сказать...

С.П.: А много, вообще, было людей, которые показания давали?

С.Г.: Ну, человек пять или шесть.

Д.С.: И вы были знакомы с этими материалами дела?

С.Г.: Ну, да.

Д.С.: Вас познакомили.

С.Г.: Ну, да. Один из них был недавно умерший Олег Михайлов, который вообще был моим шафером на свадьбе. И который, надо сказать, мне сильно помогал когда-то. Именно он меня привел и в

«Литературную энциклопедию», в журнал «Юность». Он занимался эмигрантской литературой. Но меня интересовала литература, скажем так, и предреволюционная, и эмигрантская, скорее, модернистическая, а его скорее реалистическая такая.

Ничего особенного обо мне он не сказал и на суд не пришел, но, тем не менее, в приговор ко мне это попало. Потому что там была такая фраза, и он, наверное, не понимал, что в такой ситуации нельзя ошибиться. Что так может сказать только советский писатель. Ему задали вопрос: что-то такое о распространении мной антисоветской литературы. И он сказал, что «я ничего этого о Григорьянце не знаю, но я уверен, что он виноват».

«Укладки» для писем, сшитые Сергеем Григорьянцем из матрасной ткани во время заключения

Д.С.: Ну, тут — да, так, недвусмысленно...

С.Г.: Да, и это у меня было в приговоре, что «даже его близкий приятель и то высказал полную уверенность в его вине».

Д.С.: А кто еще был допрошен?

С.Г.: Ну, был допрошен такой Храбровицкий, которому действительно я дал почитать пару книжек. Который вообще-то занимался Толстым и Короленко. Он... честно рассказавший, что брал у меня почитать книжки.

Д.С.: А еще кто?

С.Г.: Смирнов не пришел...

Д.С.: Но он давал показания.

С.Г.: Первоначально он был на этой очной ставке, где были его показания. Вот, Олег не пришел... В общем, как бы, это оказался такой полный список. И было несколько коллекционеров.

Д.С.: Книжников, или вообще?

С.Г.: Нет, не книжников совсем... Самым достойным и даже удивившим меня был Николай Сергеевич Вертинский. Когда-то директор Яснополянского музея, в это время старший научный сотрудник Института мировой литературы — я не знаю, кем он там был, — но, в общем, так или иначе, был должностное лицо. И тем не менее, именно он твердо и жестко говорил о том, что он абсолютно уверен в полной моей невинности и замечательные всякие слова обо мне говорил.

Д.С.: А кто был вашим адвокатом?

С.Г.: Моим адвокатом был уехавший через год или через два Розерель Юдович. Ну, надо сказать, что пользы... он очень боялся. С одной стороны, вел дела, вот, политзаключенных. Но с другой стороны, я, все-таки, был очень малоопытен. Я надеялся, что он мне хоть что-то подскажет, он вместо этого прочел мои показания и сказал: «Ну, вот, ваша позиция мне понятна». А потом ко мне приезжали в зону и пытались получить от меня какие-нибудь показания, что, вот, он уезжает и не брал ли он у нас денег. А надо сказать, что тогда адвокаты не брали денег у политзаключенных. Вот. И... ну... потом он мне с большим удивлением сказал, что личные связи... личные счета с судьей, почему такой срок. Ну, потому что мне... действительно, ну, в общем, все было высосано из пальца.

Д.С.: Вам запрашивали пять лет? Или запрашивали больше?

С.Г.: Запрашивали пять лет.

Д.С.: И дали пять, да?

С.Г.: И дали пять. Единственное, что прибавил суд... *(усмехается)* это мой судья и прокурор были женщины. Довольно противные. Ну и матушка... и в молодости отличалась замечательной красотой, и даже в это время она была все еще очень хороша. Но, по-моему, через два года, там, Параджанов предложил ей выйти за него замуж. На что матушка так на него посмотрела... пришел с Данелией... сказала: «Вы знаете, Сергей Иосифович, у меня были другие планы». Вот. Ну... И матушка моя так откровенно презирала вот этих баб, которые, вот, ну, совершенно очевидно, врут, вот, фабрикует это дело, это самое, что я думаю, что у меня единственный приговор в этом смысле. Там целая страница посвящена дурному влиянию на меня матери. Для чего не было, ну, никаких оснований! *(Смеется)*. Но так они были обижены на нее! Причем, это было совсем... понимаете... вы, все-таки, все равно этого не можете понять, как следует. Как могут вести себя родные, как могут вести себя вот под этим чудовищным давлением знакомые. И шутки шутками, я не знаю, написано это где-нибудь или нет, но когда примерно в то же время судили Толю Марченко, в качестве свидетеля привезли его мать. Там, откуда-то с Сибири, там. И она сказала, что «я не только считаю своего сына виновным, но я прошу его расстрелять».

С.П.: Даа... То есть, это было на полном серьезе сказано.

С.Г.: На полном. Абсолютно. Ну, баба, там, запуганная, откуда-то, вот, с этого, железнодорожного поселка... Так ее затравили, что... Так что это все не пустяки.

Д.С.: А дату помните, когда суд был?

С.Г.: Ну, где-то в сентябре. В начале сентября.

Д.С.: То есть, в марте вас арестовали, и в сентябре был суд.

С.Г.: Ну... А, нет, могу сказать совершенно точно. Это было двадцать восьмого сентября, потому что... ну, моя матушка никогда не красилась. А тут они пришли на свидание. Значит, мне еще в суд принесли показать Нюшку*...

* Анна Сергеевна Григорьянц (род. 1975) — дочь Сергея Григорьянца.

Д.С.: Да?

С.Г.: Ей уже было два месяца. Я удивился, почему мама подкрашена как-то. Подумал, что, в общем, нечему радоваться. И через месяца два, это было на «осужденке»... и вдруг во время какого-то разговора с соседями я понял, что свидание нам дали в день ее рождения или именин. У нее двадцать восьмое сентября или тридцатое сентября. У нас в семье масса была... Вера, Надежда, Любовь, Софья — все они вместе праздновали. И мой дед Сергей — у него именины тоже были восьмого октября. И вот я понял, что я забыл о ее дне рождения и о собственных именинах, которые к этому времени прошли. Чего никогда, в общем, много лет со мной не было. То есть все-таки при таком внешнем спокойствии... Какое-то давление есть такое, что... что-то важное ты забываешь.

Д.С.: А как это связано с тем, что мама подкрасилась?

С.Г.: Ну, не знаю, ну, может быть, в день своих именин она решила...

С.П.: Вот как раз вы рассказываете, я все время удивляюсь, насколько вы спокойно про это рассказываете, как-то отстраненно. Потому что я-то себе представляю, что человек оказывается в совершенно иной среде, где совершенно иные правила, совершенно иная какая-то иерархия, какие-то, ну, это же... это должен быть какой-то дикий стресс. Но вот вы как-то... что вам помогло? Ваш характер такой, или...

С.Г.: Нет, я говорю, я всю свою жизнь... Понимаете, единственное, что для меня самого было удивительно, если говорить серьезно, что гэбисты, что я сам, никогда не считал себя сильным человеком. Ну, у меня большое женское семейство, где я, так сказать, единственный мужчина. Ну, да, ну, я более-иенее командовал некоторыми своими приятелями. Я, в общем, так относился к самому себе примерно, с точки зрения, такой «молодец среди овец». Я совершенно не думал, мне никогда в голову не приходило, что я могу противостоять такому давлению и этим ситуациям. Причем вот я мельком рассказал, как меня там покупали, как уговаривали, но только через какое-то время, уже в зоне, по-моему, я вдруг сообразил то, что нормальный человек понимает всегда сразу же и только об этом и думает. Что там деньги деньгами, выгоды выгодами, как потом следующий следователь мне сказал, когда я написал тоже такую довольно ироническую жалобу (после второго ареста, опять-таки, от нечего делать), я написал в прокуратуру, что, «конечно, мое дело было совершенно несправедливым и приговор несправедлив, потому что мне же, вот, предлагали сотрудничество с КГБ, Лева Аваян, разве [плохому] человеку предложили бы?» Ну, естественно, я написал вот такие жалобы. Попали они, естественно, не в Верховный совет почему-то, а к моему следователю, который, мельком читая, сказал: «Ну, все равно бы обманули». На что я на него посмотрел и сказал: «Вы знаете, а я не проверял».

И вот тут вот я вдруг понял: а ведь они же мне все время свободу предлагали.

Ведь вот за всеми этими предложениями писать статьи в «Литературную газету» или с кем-то договариваться или еще что-то такое — ведь вот стояла возможность из этого грязного, противного и гнусного мира выйти, а не... как вам сказать... я даже не думал об этом, понимаете? Вот, ну, не знаю. Ну, то есть, сотрудничество меня, естественно, не устраивало ни при какой погоде, все это было противно, и так далее...